

Гендерные истории Восточной Европы. Сборник научных статей / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето.
Минск: Европейский гуманитарный университет, 2002.
416 с. ISBN 985-6614-61-9.

Неоднозначность сложившейся обстановки переходного периода на территории Восточной Европы в связи с распадом советской системы и обострение замалчиваемых долгие годы проблем делают необходимым переосмысление истории региона. Наиболее актуальным является гендерный аспект исторических исследований Восточной Европы, так как мифы, распространенные вокруг феминистского движения на территории стран бывшего социалистического блока, неприятие этого течения, идущее, безусловно, от незнания его истории, затрудняют возможности женщин быть услышанными. Официальная История вытеснила женщину за пределы своего дискурса, сделала ее невидимой, поэтому столь важным представляется обращение к индивидуальному опыту, повседневным практикам, микроисториям женщин восточноевропейского региона.

Предлагаемый вниманию сборник научных статей послужил продолжением международной конференции «От Истории к истории: женская и гендерная история в странах переходного периода». Он состоит из девяти тематических разделов, содержащих в среднем по три работы, сведения об авторах которых можно найти в конце сборника. Каждая из работ, объединенных этим сборником, безусловно, заслуживает отдельного внимания, но мы ставим перед собой задачу дать характеристику книге в целом, что, к сожалению, не позволит подробно остановиться на каждой статье.

Во вводной части книги раскрываются ключевые идеи, вокруг которых объединились столь разнообразные работы. Стремление рассказать о тех, кто надеется быть услышанным [С. 10], привело авторов к исследованиям «меньшинств», находящихся вне доминирующей позиции на поле символического господства [С. 7]. Под заданные условия подходит исследование региона Восточной Европы, так как, если оглянуться на прошлое, «великий Гегель полагал, что у народов, живущих к востоку от Германии, нет понятия (концепта) истории» [Там же], а настоящее характеризуется переходным периодом и «переосмыслением себя» Восточной Европой в связи с распадом советской системы, что также определяет слабость «ее голоса» на мировой арене. Актуализацию исследований гендерного аспекта авторы начинают со слов русского философа Бердяева, который отказал в историческом чувстве женщинам [Там же], сделав очевидной связь между полом и возможностью публично «говорить». Таким образом, авторы приходят к выводу о том, что люди, живущие на пересечении этих двух систем координат, подвергались ранее и теперь подвергаются двойной дискриминации.

Тематический блок «Женская и / или гендерная история: методология исследования» начинается с анализа К. Оффен тех достижений, которых удалось достигнуть женской и гендерной истории после 1989 года. Освещая текущие проблемы женской истории, автор большое внимание уделяет дискуссии «женская история и / или гендерная история», в итоге разумно соглашаясь с утверждением, что надлежащее исследование человечества «включает в себя изучение обоих полов» [С. 20]. Главная идея статьи А. Пето «Заметки женской истории: нетрадиционные феминистки» заключается в призыве изучать ту, исторически сложившуюся, систему отношений, которая привела к потере во всемирной истории женских голосов.

А. Усманова, обозначая важность метода «устной истории» для гендерных исследований, подчеркивает преимущества визуальных методов, как наиболее адекватно выражающих женскую «точку зрения» на рассказываемые события

[С. 49]. Опережая возможные методологические сомнения читателя относительно «визуальных методов», автором ставится вопрос о непознаваемости истории, минувшей реальности. Эти рассуждения можно было бы обогатить также и дискуссией о пределах познаваемости не только прошлого, но и настоящего, реальности вообще. Считая, что «в начале было Слово», мы позволим себе не согласиться с позицией автора, который по отношению к «устной истории» всецело отдает предпочтение «визуальным методам». Э. Хорнунг, Н. Новикова подчеркивают наибольшее соответствие метода «устной истории» задачам исследования повседневных практик жизни женщин и мужчин. Тем не менее интересный анализ фильма «Третья мешчанская» вызывает у читателя внимание к «визуальным методам» и побуждает к рефлексии.

Следующий тематический блок «Феминизм до феминизма: история феминистского движения в Восточной Европе» иллюстрируется афоризмом, гласящим, что непомнящие свою историю обречены постоянно повторять ее [С. 67]. Спецификой феминизма в России является то, что это – движение за освобождение любой личности [С. 89] (это объясняет тот факт, что при внешне одинаковых целях по уравниванию женщин в правах с мужчинами, большевики заклеили феминисток). В этом же блоке рассматривается традиционализм и неотрадиционализм относительно женщин, «культура стыда» в болгарской культуре начала прошлого века [С. 81]. Н. Новикова в своей статье указывает на необходимость обращения к индивидуальному опыту в вопросе изучения феминистского движения [С. 93] и невозможности ограничиваться методом изучения документальных источников. В итоге читатель увлекается «живым» интересным анализом воспоминаний участницы Всероссийского союза равноправия женщин А. Тырковой.

Целый ряд интересных идей предоставляет читателю раздел «Воображенные сообщества: гендер и нация»: здесь аргументированно ставится под сомнение вопрос о возможности гендерного равенства в рамках нашей (мужской) цивилизации, подчеркивается роль женщины в сохранении национальной идентичности народа, женский вопрос, как и национальный, анализируется в контексте классового угнетения. Захватывающей благодаря использованию качественных методов исследования, а именно анализа личных писем В. Хоружей, добровольно ушедшей на фронт, устной истории членов семьи автора является статья Е. Гаповой, посвященная женскому вопросу в контексте созидания социалистической нации (Советская Белоруссия) и буржуазно-демократической (Западная Белоруссия) [С. 121]. Б. Ваалдейк, напротив, предпочла методу устной истории политическую историю. Позволим себе усомниться в ее мнении, что «женские историки должны быть “умнее” тех женщин, которых они описывают...» [С. 139], ведь стратегия качественного исследования в целом и метод устной истории в частности подразумевают выстраивание субъект-субъектных отношений между интервьюером и информантом [Ядов, 1998. С. 415].

В разделе «Устная история: память, травма, нарратив» метод устной истории ставится во главу угла и признается наиболее адекватным для микроанализа автобиографических повествований женщин и мужчин [С. 144]. Э. Хорнунг, предоставляя читателю свои исследования, поднимает вопрос надежности статуса реальности, описывает, как она столкнулась с проблемой методологического осмысления интервью, предполагающего большое осознание интервьюером своей роли [С. 153]. Во второй статье этого раздела «Жанр устной истории и гендерные исследования: женщины рассказывают о миграции» авторы акцентируются на реакциях информантов, то есть большее внимание уделяется тому, как люди рассказывали о своей жизни, чем содержательной стороне интервью. Для читателя этот аспект исследований является очень интересным, но статья

оставляет ощущение некоторой поверхностности. Возможно, это происходит из-за того, что интервьюер, указывая на скудость интересующего его материала [С. 161], не переходит ко второй части интервью, характерной для метода «устной истории», – «стадии вопросов»¹ после основного нарратива, и не возвращается в «поле».

В рамках блока «Неизвестные страницы женской и гендерной истории» Д. Франчинкова анализирует женскую дружбу на примере известной чешской писательницы, отображая исключительно сексуальную сторону отношений между женщинами, что, на наш взгляд, несколько однобоко интерпретирует феномен женской дружбы. Контрастно, по отношению к предыдущей статье, воспринимается серьезная работа, сделанная О. Яценко, по исследованию повседневной жизни гомельчанок в начале XX века. Кропотливое описание социального пространства города рисует в воображении читателя живые яркие картины того времени и позволяет на время чтения стать жителем города Гомеля прошлого столетия, испытывая те же переживания, которые сопутствовали жизни горожанок того времени.

Первая статья раздела «Униженные и оскорбленные: практики исключения», посвященная исследованию цыган Сербии, привлекает читателя удачно выполненным этнографическим исследованием. Кроме этого З. Мржевич подобрала очень яркое определение социального положения цыганок – «четвертый мир». Если бывшие социалистические страны образуют так называемый «второй мир», тогда цыгане, как его наиболее подавляемые и дискриминируемые жители, образуют внутри него «третий мир», а цыганские женщины – это «четвертый мир», так как они страдают не только от общей ненависти к цыганам, но также от жестокости своих мужчин [С. 225]. В другой статье этого раздела представлена история секс-торговли и обозначаются условия, при которых возможно ее исчезновение: женщина должна иметь работу и получать за нее соответствующее вознаграждение; общественные нравы не должны быть препятствием для свободы выражения сексуальности [С. 252].

Исследования тематического раздела «Гендер и война: воспоминания о разном» практически полностью построены на основе метода «устной истории», за исключением статьи С. Мешковой, которая анализирует автобиографические тексты латвийских женщин. Здесь, кроме содержательной стороны, большое внимание уделяется методологии исследования. Учеными ставится вопрос о роли памяти в ретроспективных повествованиях о пережитом при использовании метода «устной истории». Читатель от позитивистской методологии исследования приходит к необходимости понимания прошлого через настоящие [С. 287].

В рамках блока «Вне закона: пол и право» И. Дунаева, анализируя Карские события и положение женщин в тюрьме, опирается на работу М. Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» и делает ряд интереснейших выводов о том, что женщины – политические заключенные путь преодоления женской вторичности находили в отказе от женской специфичности и полной ликвидации сексуальности [С. 319]; отстаивая утопию социального и полового равенства, они ценой жизни поддерживали андрогинную утопию – утопию для избранных [С. 323]. Две другие статьи этого раздела поднимают вопрос материнства и отражают различные точки зрения общественности Восточной Европы XIX–XX веков по проблеме разрешения дихотомии: быть матерью-одиночкой или пойти на преступление.

Тематический раздел «Новейшая история гендерного субъекта: ритуалы перехода» содержит две статьи, построенных на исследовании потребительских практик.

¹ Хрестоматия... 2003. С. 324.

В статье Т. Журженко идентичность подвергается глубокому анализу; автором доказано, что разрыв социального контракта «работающей матери» с государством под влиянием идеологии «свободного рынка» подтолкнул женщин к поиску новых жизненных стратегий и идентичностей [С. 364]. В статье указывается на то, что в современном обществе проблема женских прав неизбежно оказывается вторичной по отношению к «общедемократическим» задачам [С. 371], в то время как идеология экономической рациональности способствует восприятию ухудшающегося положения женщин в сфере занятости и социальной защищенности как неизбежного следствия. В последней статье, посвященной анализу преобразования женственности в современной Украине, отмечается, что «гнетущая тень почившей советской иконы совместно со стойкой матриархальной парадигмой Украины оказываются самыми серьезными препятствиями на пути к подлинному равенству» [С. 408], и делается вывод, на наш взгляд, всецело справедливый и для российской действительности: большинству женщин еще предстоит осознать, что их идентичность выстраивается внутри мужских матриц власти.

Через все представленные работы лейтмотивом проходит мысль о том, что проблема женских прав неизбежно оказывается вторичной по отношению к «глобальным политическим вопросам», которые существуют вне зависимости от географических и временных параметров, будь то «общедемократические» задачи современной Украины, освободительное движение в России конца XIX века, классовая борьба в белорусской деревне межвоенного периода или этнические проблемы Сербии после распада мультикультурного югославского общества.

Некоторые работы, вошедшие в этот сборник, потрясают злободневностью своих исследований, проницательностью анализа и глубиной выводов, другие статьи, напротив, оставляют читателя в недоумении по поводу содержательной части исследования или формы представления данных. Однако эти небольшие упущения отнюдь не могут испортить общего положительного впечатления от книги и несколько не умаляют значение самой идеи выпуска данного сборника статей. Возвращая нам изъятые, забытые или невидимые обществу ранее страницы истории, авторы заставляют нас осмыслить повседневность практик дискриминации и вытеснения людей «второго», «третьего», «четвертого» миров, и, самое главное, благодаря авторам этих статей, история обретает женщин, а женщины возвращают себе историю.

Список литературы

Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введ., общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: «Добросвет»: «Книжный дом “Университет”», 1998.

Екатерина Владимировна Чуева
аспирантка кафедры социальной антропологии и социальной работы,
Саратовский государственный технический университет,
зам. директора Центра социальной политики и гендерных исследований
электронная почта: evkazurova@yandex.ru
